

Граф и графомания

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ

Любители русской словесности наверняка знают имя Дмитрия Ивановича Хвостова (1757 – 1835). Вряд ли кто-то из наших современников стращивал пыль с семи томов его произведений, тремя изданиями вышедших при жизни поэта. Но все знают: был такой горе-поэт граф Хвостов, жертва бесконечных насмешек его современников.

19 июля мы можем отметить двести пятьдесят лет со дня его рождения. Нам, ярославцам, сделать это сподручно уже потому, что, хотя Хвостов родился в Санкт-Петербурге, свое творчество он связывал с принадлежавшей ему деревенькой Выползовой Слободкой на реке Кубре (Кубрь) под Переславлем. «Певец Кубры» – гордо именовал себя плодовитый стихотворец. И, к слову, был одним из первых краеведов тех мест.

Биография Хвостова довольно занята. В двенадцать лет написал пьесу, имевшую большой успех. Затем – рутинная учеба в Московском университете, жизнь в деревне, возвращение в свет, небезуспешная карьера (обер-прокурор синодал) и – важнейшее событие – женитьба на племяннице А. В. Суворова. Он становится верным другом генералиссимуса, пользуется его протекцией, получает звание графа от... короля Сардинии. При Павле I становится великим магистром Мальтийского ордена. Постепенно вырастает в добросовестного чиновника с репутацией честного, доброго и отзывчивого человека. Имея некоторое состояние, охотно помогает нуждающимся литераторам, которые, зная эту особенность характера Хвостова, порой беззастенчиво его обирают. Поскольку к лести Хвостов был явно неравнодушен, просители осыпают похвалами его стихи, а простодушный граф всему этому верит и убеждается в своей гениальности. Он пишет и пишет, издаёт и издаёт свои сочинения. Создаётся образ классического графомана, мишень для остроумных упражнений его более талантливых коллег.

Но вот что заставляет нас осторожнее подходить к оценкам творчества Хвостова. В наше время удивительным образом переосмысляются многие исторические факты и биографии. Прямо сейчас телевидение предлагает нам новое прочтение биографии Нестора Махно, которого с советских времен мы знали как бандита и националиста, а теперь он у нас чуть ли не украинский Робин Гуд. Вот и на творчество Хвостова литературоведы начинают смотреть другими глазами, совсем не так, как его прославленные современники.

Да, конечно, Хвостов – совсем-совсем не Пушкин. Но, между прочим, Пушкин творчество Хвостова знал очень хорошо, и есть доказательства, что тот влиял на Пушкина, а не наоборот. Да, смеялись, да, вышучивали, иногда очень зло, писали обидные эпиграммы, устраивали добродушному литератору розыгрыши. Говорили, что книги Хвостова никто не покупал, что издавал он их на собственный счёт и потому вконец разорился, что он эти книги скупал сам и дарил направо и налево случайным людям – от станционных смотрителей до коронованных особ. Сам Хвостов не сомневался в том, что является прекрасным поэтом, и даже Пушкину снисходительно разрешал быть своим преемником. В общем, он

умер не от скромности. В Академию наук он однажды прислал 900 экземпляров своей трагедии... Дарил и собственные бюсты в надежде, что они будут украшать лучшие дома России и Европы...

Все это, по-видимому, правда. Но правда и то, что стихи его были широко известны самым именитым литераторам. Они смеялись над казавшимися им чудовищными образами хвостовских басен. Ну посудите сами: у него осел, орудуя лапами (!), забирается на рябину, голубь зубами (!) разгрызает узелки, уж становится на колени (!), у змеи, оказывается, есть плечи, у слона – рога, а у червяка – лапки...

Но вот ведь какое дело. Нас, после опытов Хармса и других поэтов-обэриутов, эти вещи в шок не повергают: и не такое читывали. Современникам-то казалось, что, всё это от невежества и неумения, а у нас закрадывается крамольная мысль: что, если граф Хвостов – этаким первым обэриут, на столетия опередивший опыты модернистов двадцатого века? Да и в конце концов почему басенный уж не может стать на колени? Взгляните на иллюстрации к басням Крылова: там же все животные персонажи, как правило, изображены в виде крестьян, дворян, генералов, монархов и прочих. И ничего это не коробит! Так почему должны коробить зубастый голубь, плечистый змей или червяк с лапками? Добавим: это еще и просто весело, что в жанре басни не так уж и плохо.

Так сознательно, опережая время, писал эти нелепицы Хвостов, или на то у него были более прозаические причины? Не подсмеивался ли он тихонько над современниками, привыкшими к совсем иной стилистике?

Ну ладно, с талантом стихотворца у Хвостова были проблемы, но басни его отнюдь не бессмысленны, эпиграммы остроумны, любимый жанр – надгробные эпитафии – выразительны. Есть и просто неплохие стихи. Вот начало «Стихов на Новый 1804 год»:

*На светозарной колеснице
Летит поспешно новый год:
Он держит пальмы,
лавр в деснице
И множество парижских мод;
На землю
сыплет нам беспечность,*

*И сам без устали летит,
Летит в пределы те,
где вечность*

*Для всех людей
кровать хранит.*

Если вспомнить, что написано это Хвостовым в начале 1804 года, когда Пушкину еще не было и пяти лет...

Так графоман или не графоман? Для начала стоит разобраться в терминах. В медицинском смысле графоман – психически больной человек, одержимый непреодолимым желанием писать. Но мы обычно здесь имеем в виду писателя более или менее здорового умом, но абсолютно лишенного таланта и желающего во что бы то ни стало доказать обратное. Иные графоманы при этом не брезгают любыми мерами, могут подкупать издателя, выдавать чужое произведение за своё. Даже убить могут.

Графоманы существовали столько времени, сколько существует литература. Но думается, что особенно много графоманов породила советская власть. Как иначе можно охарактеризовать сонмы «пролетарских поэтов и прозаиков», единственным достоинством творчества которых было рабоче-крестьянское происхождение авторов? На какую полку ставить «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского или все произведения Всеволода Кочетова? Все эти опусы теперь забыты, будем надеяться, что навсегда.

А ведь эти, с позволения сказать, писатели были далеко не так безобидны и бескорыстны, как граф Хвостов. Они были агрессивны, злы, безжалостны ко всем, кто был талантливее и умнее и мог угрожать их славе и материальному достатку. Их творения входили в обязательный список, подлежащий изучению в школах и вузах, а настоящие творцы, вроде Булгакова или Платонова, большинству читателей оставались неизвестны. Иные же, как Бабель и Мандельштам, и вовсе физически уничтожались.

Не думаю, что есть необходимость сегодня массовыми тиражами переиздавать сочинения графа Хвостова. Но, вероятно, стоило бы пересмотреть некоторые сложившиеся в отношении его произведений стереотипы. Будем помнить, что был такой не слишком успешный наивный поэт и порядочный человек граф Дмитрий Иванович Хвостов, написавший в конце жизни вот такое очень даже неплохое стихотворение («В мой альбом», 1826). Подобно пушкинскому «Памятнику», оно восходит к Горацию, но вместо торжественности первоисточника перед нами доброе, слегка ироничное и сердечное обращение к друзьям:

*Восьмидесяти лет
старик простосердечный,
Я памятник себе
воздвигнул прочный, вечный:
Мой памятник, другья,
мой памятник альбом;
Пишите, милые,
и сердцем, и умом,
Пишите взапуски,
пишите что угодно;
Пускай перо и кисть
играют здесь свободно,
Рисует нежность чувств
стыдлива красота,
Промолвит дружбы в нем
невинной простота;
Я не прошу похвал,
я жду любви совета:
Хвостова помните,
забудьте вы поэта.*

Владимир ЖЕЛЬВИС,
профессор ЯГПУ
имени К. Д. Ушинского.